

МЕЛЕТІЙ СМОТРИЦКІЙ,

КАКЪ ФИЛОЛОГЪ.

НИКИФОРА ЗАСАДКЕВИЧА.

ОДЕССА.

Типографія П. Францова. Пушкинская ул., д. № 20.

1883.

1 Доволено цензурою. Одесса, 3-го мая 1882 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Мелетій Смотрицкій — одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей XVII вѣка — жилъ въ то время, когда Югозападная Русь отстаивала свое православіе, боролась съ римско-католическою пропагандой. Какъ житель Подоліи, онъ также не остался празднымъ зрителемъ: до отпаденія [въ унію, онъ былъ самымъ ревностнымъ защитникомъ православія; писалъ какъ въ защиту православія, такъ и въ защиту (по отпаденіи отъ православія) уніи. Его полемическія произведенія уже достаточно изслѣдованы. Но М. Смотрицкій извѣстенъ не одними своими полемическими произведеніями; въ литературѣ онъ извѣстенъ болѣе какъ филологъ. Извѣстность въ этомъ случаѣ доставила ему славянская грамматика, вліяніе которой въ нашихъ церковно-славянскихъ книгахъ ощущается и донинѣ. На долю немногихъ литературныхъ трудовъ выпадала такая извѣстность, какая выпала на долю славянской грамматики Смотрицкаго. Ей суждено было играть важную роль какъ у православныхъ, такъ и у католическихъ славянъ. Значеніе грамматики Смотрицкаго обуславливается какъ ея научными достоинствами, такъ и обстоятельствами времени, весьма много способствовавшими ея господству. Она имѣла громадное вліяніе на теорію языка и книгопечатаніе въ Россіи, Болгаріи, Сербіи и у глаголитовъ; долгое время слу-

жила единственнымъ руководствомъ при изученіи церковно-славянскаго языка; нѣсколько разъ была перепечатываема у русскихъ и у сербовъ; служила прототипомъ не только для грамматики славянской, но и для русской грамматики. По ней, наконецъ, исправлены были церковно-славянскія книги. Въ этомъ отношеніи филологическій трудъ Смотрицкаго мало изслѣдованъ. Орывочныя свѣдѣнія о грамматикѣ Смотрицкаго находимъ въ статьѣ Востокова: «Разсужденіе о Славянскомъ языкѣ», въ Трудахъ общ. люб. Рос. словесности, ч. 17, 1820. О вліяніи грамматики Смотрицкаго на теорію языка и книгопечатаніе у глаголитовъ писалъ Капитаръ въ своемъ изслѣдованіи: «Glagolita Clozianus» (1836 г.); объ этомъ же помѣщены извѣстія въ «Kalendaria ecclesiae universae», т. IV, Ассемана. О значеніи грамматики Смотрицкаго для древне-славянскаго языка писалъ проф. Григоровичъ въ своихъ «Статьяхъ, касающихся древне-славянскаго языка», въ Уч. Зап. Каз. Университета, 1851 г. кн. I, изд. въ 1852 г. Въ изданномъ въ послѣднее время сочиненіи Ст. Новаковића «Исторія Српске књижевности» (изд. 2, 1871) показано вліяніе грамматики Смотрицкаго на теорію языка и книгопечатаніе у сербовъ. Свѣдѣнія объ этомъ Новаковићъ заимствовалъ изъ статьи Вукићевића: «Србске школе у XVIII веку» и изъ сочиненія Шафарика: «Geschichte der Slavischen Sprache und Literatur» (1826 г.).

Въ своемъ изслѣдованіи о Смотрицкомъ, какъ филологъ, мы старались, по возможности, разобрать грамматику Смотрицкаго, указать ея источники, достоинства и недостатки, показать то вліяніе, какое она имѣла на теорію языка и книгопечатаніе въ Россіи, Болгаріи, Сербіи и у глаголитовъ, указать причины, способствовавшія ея господству. Изслѣдованіе раздѣляется на слѣд. 5 главъ:

I. Очеркъ времени, въ которое жилъ и дѣйствовалъ М. Смотрицкій.

II. Путь, посредствомъ котораго древнее русское общество знакомилось съ научными понятіями о языкѣ до появленія филологическихъ трудовъ М. Смотрицкаго.

III. Разборъ грамматики М. Смотрицкаго.

IV. Судьбы церковно-славянскаго языка до М. Смотрицкаго.

V. Вліяніе грамматики Смотрицкаго на теорію языка и книгопечатаніе въ Россіи, Болгаріи, Сербіи и у глаголитовъ *).

*) Начало этого изслѣдованія (гл. 1-я и начало 2 й гл.) было уже напечатано въ «Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ», 1875 г., февраль, апрѣль; но печатаніе прекратилось по желанію автора, за неимѣніемъ въ то время въ университетской типографіи церковно-славянскаго шрифта.

МЕЛЕТІЙ СМОТРИЦКІЙ,

КАКЪ ФИЛОЛОГЪ.

ГЛАВА I.

Очеркъ времени, въ которое жилъ и дѣйствовалъ Мелетій Смотрицкій.

Время жизни и дѣятельности М. Смотрицкаго — послѣдняя четверть XVI и первая четверть XVII вѣка (1577—1633). Югозападная Русь, входившая въ составъ великаго княжества Литовскаго, при Сигизмундѣ Августѣ была присоединена къ Польшѣ окончательно, въ 1569 году. Подчинившись Польшѣ, Югозападная Русь на первыхъ порахъ находилась въ томъ же положеніи относительно образованія, какъ и Сѣверная. Въ ней въ то время былъ всеобщій упадокъ просвѣщенія, въ слѣдствіе политическихъ неустройствъ и междоусобій¹⁾. Школъ не было,

¹⁾ Современникъ М. Смотрицкаго, авторъ Перестроги (около 1600—1605) упадокъ духовнаго просвѣщенія своего времени именно приписываетъ политическимъ неустройствамъ и междоусобіямъ. Онъ говоритъ, что въ древней Руси, по принятіи христіанства, «были великіе ревнители, иже много зъ великимъ коштомъ церквей и монастырей напуровали и маестностями опатриши, книгъ великое множество языкомъ Словенскимъ нанесли: леть (но) того, што было напотребѣйшее, школъ посполитыхъ не оундовали. За чимъ, за лѣтами, оная грубость поганьская и прирещенье влекущее на жарность (суету) сего свѣта такъ различно, же потомковъ оныхъ побожныхъ и благочестивыхъ самохершцовъ,

за исключеніемъ церковно-приходскихъ. Духовныя лица, на которыхъ главнымъ образомъ лежала обязанность заботиться о поддержаніи образованія, вмѣсто того, чтобы заботиться о приобрѣтеніи богословскихъ познаній и о переводахъ богословской письменности — занимались разными сказаніями и баснями. Люди, сочувствовавшіе духовному просвѣщенію, съ прискорбіемъ говорили, что «у насъ и десятой части книгъ учителей нашихъ старыхъ не переведено, по лѣности и нерадѣнію властителей нашихъ, потому что нынѣшняго вѣка мнимые учителя больше въ болгарскихъ басняхъ или въ бабьихъ бредняхъ упражняются, читають ихъ и хвалять, нежели великихъ учителей разумомъ наслаждаются. Господи Христе Боже нашъ! отвори намъ мысленныя очи и избави насъ отъ такихъ»¹⁾. А люди невѣжественные съ презрѣніемъ относились къ наукѣ и старались поддержать и въ другихъ перасположеніе къ ней. «Да пріедемъ — пишетъ Курбскій — слова предобрѣшійя и, Бога ради, не потакаемъ безумнымъ, или, лучше сказать, лукавымъ прелестникамъ, выдающимъ себя за учителей. Прельщаютъ они юношей трудолюбивыхъ, желающихъ навывенуть писанію, говоря имъ: не читайте книгъ многихъ и указываютъ: вотъ этотъ отъ книгъ умъ потерялъ, а вотъ этотъ въ ересь впалъ. О бѣда! отъ чего бѣсы бѣгаютъ и исчезаютъ, чѣмъ еретики обличаются, а нѣкоторые исправляются, это оружіе они отнимають, и это вра-

княжатъ русскихъ, свѣта сего красотою уведенные, а науками не выученные, впали въ великое лакомство около панованія и великую хитрость взяли, и раздѣлилися; едины тутъ zostали, а другіе у полпочныхъ краѣхъ панства осыли; и якъ собѣ очи лупали о панства, одинъ у другого выдираючи, а на помощь протинко собѣ сусѣдновъ пограничныхъ приводячи, яко Венгровъ, Поляковъ и Литву, великое кровопролитіе межъ собою чинили. За чимъ оныя помочники побѣдивши супостатовъ, ихъ потомъ и самихъ побѣждали, и панство Руское въ руки ихъ приходило; а за тымъ церкви Божіи зъ ихъ окрасами на лупъ (грабежъ) приходили..... *И такъ то велики много зашкодило панству Рускому, же не могли школы и науки посполитыи розширять, и оныи не фундовано: бо коли бы были науку мѣли, тогда бы за невѣдомостію своею не пришли до таковыи погибели*». Акты Зап. Россіи, т. 4, 204.

¹⁾ Опис. Румянцов. музеи, Востокова, стр. 242.

чество смертоносныхъ ядомъ называютъ» ¹⁾. О низкомъ уровнѣ образованія духовенства въ XVI вѣкѣ свидѣтельствуетъ Курбскій. Въ своемъ письмѣ къ виленскому бурмистру, Кузьмѣ Мамоничу, онъ такъ выражается о церковникахъ: «подана намъ книга въ помощь отъ Святой Горы, точно самою рукою Божию принесена, *ради простоты и глубокаго неискусства церковниковъ русскихъ церквей, не говорю — по лѣности и обжорству нашихъ епископовъ*» ²⁾. Лица духовныя, по лѣности, уклонялись отъ распространенія книгъ въ народѣ. Въ предисловіи къ своему переводу словъ Златоустовыхъ Курбскій говоритъ: «я хотѣлъ начать переводъ посланій Апостола Павла, объясненныхъ Златоустымъ, и искалъ мужей, хорошо владѣющихъ славянскимъ языкомъ, но не могъ найти. *Кого нашелъ изъ монаховъ и мірскихъ, тѣ не хотѣли помочь мнѣ: монахи отреклись, не похвально уничижая себя, не говорю — лицемерно или отъ лѣности; мірскіе не захотѣли, будучи объаты суетами міра сего и терніемъ подавляя сѣмя благовѣрія*» ³⁾. Въ предисловіи къ переводу Богословія тотъ же Курбскій жаловался, что многія книги учительныя еще не переведены на славян. языкъ, а если нѣкоторыя и переведены, то несправно, или же «отъ переписующихъ въ конецъ испорчены» ⁴⁾. Другой писатель «начала XVII вѣка (1604), описывая стѣсненное положеніе православной церкви въ мѣстахъ своего жительства (въ Польшѣ), между прочимъ замѣчаетъ: «Вина же сицевымъ никтоже, *точною неградынею наше. Воззри убо аще не лѣностенъ еси, обрящещи ли идѣ правъ написанную въ церквахъ святыхъ книгу? Обрящещи ли чинопослѣдованіе по указанному святыхъ отецъ законенію? Обрящещи ли судъ и отищеніе въ вещахъ церковныхъ, или строителя и начальника, правѣ исправляюща слово истины? Не видѣхъ*

¹⁾ Тамъ же, стр. 557.

²⁾ Сказанія князя Курбскаго, II, стр. 177.

³⁾ Жизнь Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни, т. 2, стр. 311, въ Актахъ, изданныхъ временной кievскою комиссіей.

⁴⁾ Обзоръ рус. духовной литературы, Фларета, 141; Опис. Рун. муз., стр. 556.

ни по единому же при церкви Божественной исправляющаго и поборающаго по словеси истины»¹⁾. Упадку просвѣщенія въ Югозападной Руси въ XVI вѣкѣ способствовало еще одно обстоятельство: тогда вводилась унія. Латинская пропаганда старалась истреблять все, что напоминало русскимъ о православіи. Между прочимъ она скрывала и истребляла церковныя книги. Авторъ Перестроги (около 1600—1605) говоритъ, что «у самоѣ Краковѣ корунномѣ и въ костелахъ рямскихъ книгъ словенскихъ великими склепами найдеть замкненныхъ, которыхъ на свѣтъ не выпускаютъ. Также есть и во Львовѣ у мниховъ доминикановъ склепъ великій книгъ нашихъ словенскихъ учительныхъ до купы (кучи) знесенныхъ, по збуренью и осяненню паньства рускою»²⁾. Тѣ же книги, которыя остались нетронутыми, въ слѣдствіе нерадѣнія духовенства, покрѣлись, по замѣчанію того же автора, пылью. «Книги тые, що еще позостало, порохомъ припали, и все набоженство приняло во взгордѣ, такъ, ижъ не тыльбо стану шляхоцкогo, але и простого люде стану у иновѣрство и отщепенство приходили, отъ духовныхъ соблазнени будучи»³⁾.

Причины нерадѣнія духовенства о народномъ образованіи зависѣли отъ того, что на высшія іерархическія мѣста назначались польскими правительствомъ лица, для которыхъ интересы русскаго народа были чужды, — назначались большею частію лица совершенно безполезныя или даже вредныя для церкви. Низшее духовенство не имѣло никакого значенія: оно находилось въ полной зависимости отъ владѣльцевъ тѣхъ имѣній, гдѣ были ихъ приходы. Для русскаго дворянства того времени нужды народа также были чужды: воспитываясь, за неимѣніемъ своихъ школъ, въ польскихъ или, по примѣру поляковъ, въ иностранныхъ школахъ, русскіе дворяне возвращались уже не русскими,

¹⁾ Опис. Рум.-муз., стр. 316.

²⁾ Акты Западн. Россіи, IV, 204; см. статью: «О славяно-русскихъ типографіяхъ въ Галиціи и Лодомирѣ, въ Ж. М. Н. Пр. 1838 г., сентябрь, стр. 567.

³⁾ Акты Западн. Россіи, IV, 205.

а поляками; они забывали тамъ свои родные обычаи, вѣру и языкъ. Скажемъ объ этомъ подробнѣе.

Положеніе русской церкви въ то время было не завидно. Польское правительство, принадлежавшее къ другому исповѣданію, не обращало вниманія на ея интересы. Управление епархій и монастырей поручалось лицамъ, оказавшимъ какія-либо услуги не церкви, а государству ¹⁾. слѣдовательно людямъ, вовсе къ этому неподготовленнымъ. По свидѣтельству современника, «на митрополичи и епископскія престолы посаждахуса не изъ монастырей, добръ въ законнѣмъ житіи процвѣтшіи, но абіе отъ суетныхъ господей, или земледѣльствъ, или служителей воинскихъ, въ воздаваніе службы ихъ, къ тому — неuki, простаки, во святомъ писаніи несвидѣтельствованніи» ²⁾. Епископскія должности часто получались посредствомъ подкупа придворныхъ, о чемъ свидѣтельствуєтъ Іоаннъ изъ Вишни, писатель конца XVI вѣка ³⁾. Г. Иванишевъ, занимавшійся разработкою старинныхъ актовъ въ кievской комиссіи, говоритъ, что «короли польскіе имѣли неограниченное право раздавать епископіи и монастыри, по своему произволу; въ этомъ отношеніи, они назывались «верховными подателями столицъ духовныхъ и всѣхъ хлѣбовъ духовныхъ». Въ епископы и настоятели монастырей избираемы были, болышею

¹⁾ Стефанъ, король польскій, отдавая Ивану Гоголю монастырь Кобрыньскій, въ жалованной грамотѣ прямо говоритъ, что отдаетъ монастырь «за службы его (Гоголя), которые онъ продку нашему королю его милости и намъ государю зъ себе показывалъ». Акты Зап. Россіи, III, № 158.

²⁾ Книга о вѣрѣ, л. 205, въ Прав. Соб. 1858 г., мартъ, стр. 318.

³⁾ Въ своемъ «посланіи къ митрополиту и епископамъ Югозападной Руси» Іоаннъ Вишенскій, обращаясь къ епископамъ, говоритъ: «Кто давалъ за вами свѣдѣтельство отъ вишнскихъ, якъ есте на той степенъ достойни и якъ есте житіємъ добрымъ исполнили всѣ тѣ добродѣтели Павломъ реченные?... Вамъ посвѣдчили румянцѣ, то есть чирвоныя золотыя зъ бѣлыми великими талары, полталарками, орты, четвертаки и потройники. А то якъ? Ото такъ, што славѣйшимъ секретаромъ и рефендаромъ похлѣбцамъ и тайнымъ лгаромъ его королевской милости, абы ся причинили и свѣдчили якъ годный человекъ на панствованіи

частію, лица свѣтскія изъ дворянскихъ фамилій... Ихъ привлекали богатые церковныя имѣнія, пожалованныя епископіямъ и монастырямъ древними князьями русскими, великими князьями литовскими и другими лицами для благоустройства церквей, для учрежденія школъ и богадѣленъ... Еще при жизни престарѣлыхъ епископовъ шляхтичи знатныхъ фамилій, желавшихъ захватить въ свою власть церковныя имѣнія, отправлялись къ королю, упрашивали сенаторовъ, платили деньги и получали право вступать въ управленіе епархіею по смерти престарѣлаго епископа... Также точно и богатые монастыри, по волѣ короля и по ходатайству сенаторовъ, раздавались въ управленіе свѣтскимъ лицамъ шляхетскаго сословія... Иногда право на епископію король предоставлялъ двумъ лицамъ¹⁾... Такія лица, разумѣется, были совершенно бесполезны для русской церкви. Епископы не могли служить образцомъ нравственности; многіе изъ нихъ были самой позорной жизни. Для примѣра достаточно указать на трехъ іерарховъ—кіевского митрополита Онисифора Дѣвочку, львовскаго епископа Гедеона Балабана и луцкаго—Кирилла Терлецкаго.

Въ 1589 году посѣтилъ Югозападную Русь константинопольскій патріархъ Іеремія. Мірскіе люди спѣшили указать патріарху на церковныя безпорядки, виною которыхъ были епископы порочные или нерадивые. Къ послѣднимъ принадлежатъ и кіевскій

бискупскихъ доходовъ и пожитковъ и свополюго и вѣтетчното мешканя на тыхъ имѣніяхъ и селлахъ, бискупству належачихъ, за которую причину тому особѣ, завивши въ папѣрець сто, или якъ ся траєть, чирвоныхъ золотыхъ въ руку тыць, дрогому засѣ тыхъ же шафранцовъ очелюбныхъ, завивши также, въ руку тыць; отправивши же руманолюбцовъ, потомъ ступѣно до понеславнѣйшихъ особъ, тымъ засѣ ворочни понаполюявши овымъ засѣ полталарковъ, овымъ ортовъ и четвертаковъ, тому въ руку тыць, овому тыць и сему тыць, а писаредрачѣ южъ не бракують, и потройники зъ грошами берутъ и деруть. Тые ходатае, панове бискупы, за пами свѣдчили, якъ есте годни на свополюе житіе селъ епископскихъ; свѣдтилъ засѣ поклонъ, пѣкоторая тысяча чирвоныхъ въ кнѣсню королевскую». Акты Южн. и Зап. Россіи, II, стр. 244—245.

¹⁾ Архивъ Югозап. Руси, I, стр. XV, XVI.

митр. Онисфоръ Довочка, къ которому въ 1585 году православные галицкіе дворяне прислали съ сейма слѣдующую грамоту: «Великому несчастію своему приписать должны мы то, что во время вашего паствуства всѣ мы страшно утѣснены, плачемъ и скитаемся, какъ овцы, паствура неимущія. Хотя вашу милость старшимъ своимъ имѣемъ, однако ваша милость не заботитесь о томъ, чтобы словесныхъ овецъ своихъ отъ губительныхъ волковъ оборонять, нисколько не заботитесь о благочестіи. Съ жалобою на великія несправедливости, намъ сдѣланныя, мы пріѣхали на сеймъ въ Варшаву, въ надеждѣ на ваше обѣщаніе явиться туда же, чтобы вмѣстѣ быть челомъ королю, защищать права и вольности закона нашего греческаго. Но ваша милость не хотите исполнять своихъ обязанностей, не хотите быть дѣятельнымъ при такихъ великихъ бѣдахъ, больше которыхъ не было и не будетъ. Во время вашего паствуства вдоволь всякаго зла въ законѣ нашемъ сталося, насилія святыни, замыканье св. Тайнъ, запечатаніе церкви святыхъ, запрещеніе звонить, выволакиваніе отъ престола изъ церквей Божіихъ поповъ какъ злодѣевъ, запрещеніе мірскимъ людямъ молиться въ церквахъ: такихъ насилій не дѣлается и подъ поганскими царями, и все это дѣлается въ паствуствѣ вашей милости. Но этого мало: рубятъ кресты святыне, захватываютъ колокола въ замокъ, отдають ихъ въ распоряженіе жидамъ; а ваша милость листы свои открыты противъ церкви Божіей жидамъ на помощь даешь. Изъ церквей дѣлаются костелы іезуитскіе, имѣнія, церкви Божіей данныя, теперь къ костеламъ привернуты. Въ монастыряхъ честныхъ, вмѣсто игуменовъ и братьи, игумены съ женами и дѣтьми живутъ и церквами святыми владѣють; изъ большихъ крестовъ маленькіе дѣлають; что было дано къ Божіей чести и хвалѣ, изъ того святотатство сдѣлано: изъ вещей церковныхъ дѣлають себѣ пояса, ложки и сосуды, изъ ризъ саппы, изъ спитрахилей брамы. Но что еще хуже, ваша милость поставилешь одинъ епископовъ безъ свидѣтелей и безъ насъ, братьи своей, что и правила запрещаютъ, въ слѣдствіе чего негодные люди становятся епископами и на столицахъ съ женами своими живутъ безъ всякаго стыда и дѣтей

родать. И другихъ, и другихъ, и другихъ. бѣдъ великихъ и нестроенія множество! Наставилось епископовъ много, на одну епархію по два: отъ того и порядокъ згнѣбъ¹⁾. Онисифоръ, разумѣется, былъ лишенъ митрополіи. — О Гедеонѣ львовское братство въ 1592 году писало патриарху: «Безпрестанными бѣдами томить насъ Гедеонъ епископъ Львовскій, людей раздѣлялъ и на братство наше вооружилъ, приказалъ всѣмъ подѣ клятвою отвращаться отъ насъ; монастырь св. Онуфрія, ставропигіонъ нашъ ктиторскій, подѣ благословеніемъ митрополита находящійся, пограбилъ, игумена обезчестилъ... Священники лучшіе, ради гоненія епископскаго, разошлись въ другія страны, а двоеженцы водворились вездѣ. Епископы Холмскій и Пинскій съ женами живутъ, а Перемишльскій возведешъ на епископство, когда у него была жена, и, видя это, двоеженцы смѣло литургисають. Сильно смущается церковь и вслѣдъ возвращается; люди знатные, въ различныя ереси впадшіе, хотѣвшіе прежде возвратиться къ своему правовѣрію, теперь не хотятъ; хулятъ церковное безчиніе, и всѣ люди единогласно вопіють: «если не устроится церковь, то въ конецъ разойдемся, отступимъ подѣ Римское послушаніе и будемъ жить въ покоѣ безмятежномъ»²⁾. Въ другой грамотѣ братство писало: «Прежде всего да вѣдаетъ твоя святыня, что у насъ такъ-называемые святители, а лучше сказать сквернителі, вопреки иноческому обѣту, съ женами невозбранно живутъ; нѣкоторые многобрачныя святительствоють, другіе съ блудницами дѣтей прижили. Если такіе святители, то простые священники и подавно. Когда митрополитъ на соборѣ обличилъ священниковъ и требовалъ, чтобы они отказались отъ священства, то они отвѣчали: «Пусть прежде святители откажутся отъ своего святительства, послушаютъ закона, тогда и мы ихъ слушаемъ. Епископы похитили себѣ архимандритства и игуменства и ввели въ монастыри родню свою и урядниковъ мірскихъ; имѣнія всѣ церковныя пограбили, имущество испразднили, коней и псовъ въ монастыри ввели»³⁾.

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, X, стр. 19—20.

²⁾ Тамъ же, стр. 26—27; Акты 3. Р., IV, 43.

³⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, X, 27—28.